

алла ЛЕСКОВА



фимозка и дюрер

Алла Лескова

**Фимочка и Дюрер. Вне жанра.
3-е издание. Исправленное.**

«Издательские решения»

Лескова А.

Фимочка и Дюрер. Вне жанра. 3-е издание. Исправленное. /
А. Лескова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830155-1

Перед вами уже третье издание первой книги Аллы Лесковой «Фимочка и Дюрер». Владимир Снегирев, журналист: «Алла Лескова стала тем человеком, благодаря которому мое мнение о социальных сетях коренным образом изменилось. Лескову без оговорок можно считать родоначальницей нового жанра в современной словесности. Пишет вроде бы о простых и даже бытовых вещах, но каждый раз, без исключения, ее тексты трогают ум и сердце. Лескова — лучший автор социальной сети, для меня это факт бесспорный».

ISBN 978-5-44-830155-1

© Лескова А.

© Издательские решения

Содержание

Фимочка и Дюрер	8
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Фимочка и Дюрер

Вне жанра. 3-е издание. Исправленное.

Алла Лескова

© Алла Лескова, 2016

© Люба Кор, иллюстрации, 2016

Корректор Елена Воронова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Здесь – наше время, наша страна...

В этих текстах больше печали, чем веселья...

И все-таки эта книга – праздник для каждой живой души.

Счастливого прочтения!

Ефим Ярошевский,

поэт, прозаик

(Германия)

*(полностью отзыв Ефима Ярошевского читайте
по завершении книги)*

Посвящаю моим детям Юдит и Борису

Мама родила меня смеясь
Она шла по улице, читала «Двенадцать стульев», начала хохотать и...
Смех перешел в крик. Сначала мамин, а потом – мой.
С тех пор я много смеюсь. Когда не плачу.

Фимочка и Дюрер

Тогда мы проснулись от нечеловеческого душераздирающего крика в подъезде. Муж тут же вскочил и стал, еще спящий, быстро надевать свои домашние спортивные штаны.

– Ты что, сдурел?! Никуда не пойдешь, там, похоже, человека убивают!

– И что ты мне предлагаешь? Слушать, как убивают человека?

Удерживать было бесполезно. Поперек ложиться тоже. Муж был очень мужественным человеком с больным сердцем.

Этот нечеловеческий крик исходил от новорожденного белого щенка, которого кто-то ночью подбросил под нашу дверь. Орал щенок от ужаса и безумного страха. Огромный муж нежно взял его на руки и вопросительно посмотрел на меня.

– Да конечно берем, – сказала я.

Муж был счастлив. Он любил собак и гораздо легче находил с ними общий язык, чем с людьми. Тимка был необычным щенком. Белый, без единого пятнышка, абсолютно сумасшедший, как будто кровь в нем неслась по жилам с какой-то утроенной скоростью. Быстро и жадно ел, быстро носился по квартире, по двору... Чем-то он мне напоминал Высоцкого. И предчувствия не зря то и дело появлялись.

Прожил Тимка мало. Какие-то весельчаки на иномарке, развлекаясь, вильнули на тротуар, чтобы сбить собаку, и довольные умчались дальше.

Я позвонила мужу. Дочка рыдала и спряталась от горя под стол, тогда ей было три годика. Муж прибежал, молча поднял собаку с тротуара, вытер струйку крови своим носовым платком, молча пошел за лопатой и закопал Тимку прямо под нашими окнами. Потом пошел за водкой.

Уже давно нет Тимки. Семь лет назад в августе ушел муж... Но есть воспоминания и светлая память о них. А ведь могло не быть этого и других, других, других воспоминаний...

Какая я счастливая.

Я разлюбила оливье. Украшения новогодние. День своего рождения. Гостей и походы в гости. Я разлюбила всех понимать и быть в чем-то уверенной. Я разлюбила много слов и долгие разговоры. Я разлюбила искренние и просто заблуждения, они вечны, они будут до конца. Я разрешила отказывать своим тормозам и научилась говорить нет. Я разлюбила переживать по поводу этого. Я разлюбила скрывать чувства и сдерживать слово люблю.

Я не разлюбила только тебя.

Моя бабушка Рива всю жизнь лечила таджикских детей. Они выздоравливали и говорили ей «ман туро дӯст медорам» – я тебя люблю. И приносили лепешки.

Я все поняла.

Надо жить ночью. Ночью не видно безумия мира. Ночью самые лучшие фильмы по ТВ. Ночью нет жутких известий про беды и горе повсюду, которые сердце каким-то чудом еще выдерживает. Ночью можно слушать тихо музыку и вспоминать, вспоминать... Ночью темно.

Поэтому кажется, что все хорошо. А днем надо спать. До ночи. До тихой ночи с открытым окном и прохлады с улицы.

У нас замечательная начальница. Приходит утром, поздоровается и больше мы ее не видим до следующего дня. А если кто опаздывает, она говорит: ничего страшного, все равно мы все умрем.

Больше всех я любила бабушку Риву. Даже больше своих родителей. Может быть, потому, что она очень любила меня. Подозреваю, что это как-то взаимосвязано.

В свои 36 лет бабушка потеряла мужа и больше не вышла замуж. Хотя была голубоглазой и очень женственной. Но такого, как дед, встретить по определению было невозможно. На фото высокий красавец с библейским лицом по имени Израиль. Добрый, умный и сильный. Такого больше не было, а не такой – зачем он бабушке был нужен?

Я любила приезжать в ташкентский дворик, есть вишневое варенье без косточек, играть в палисаднике, гладить соседскую собаку и ждать прихода разгоряченной от жары бабушки с Алайского базара.

Бабушка всегда любовалась мной и называла мадонной. Тогда я еще не знала этого слова, но всегда радовалась, потому что понимала, что меня хвалят, а значит, любят. Когда через много лет с бабушкой случился инсульт, ее вытащили с того света участковый таллиннский врач, молчаливая, старательная эстонка Хильда. Она приходила каждый день, и постепенно у бабушки появилась речь, пусть уже и не такая, как раньше... Потом зашевелились ноги и руки. Потом она стала шаркать по дому, а в основном сидела на своем диване, махала ножкой и не сводила с меня глаз, мы жили в одной комнате. И опять, как и в детстве, повторяла только одно слово – мадонна...

Однажды я поздно вернулась домой и увидела, что бабушки нет, а ее постель как-то странно скомкана и валяется на полу. Дома никого не было. Вообще никого. Стало ясно, что что-то стряслось. Пока меня не было дома, бабушка умерла. Похоронили ее на еврейском таллинском кладбище. Перед отъездом из Эстонии я посадила на могиле куст сирени. Сказали, что он будет цвести каждое лето. Так и случилось.

Лишь через годы я оказалась в Таллинне и сразу поехала к бабушке. Была весна и цвела сирень. Целое дерево выросло. Я боялась, что плита разбита или стерлась за столько лет буквы, но плита была, как новая... Оказалось, что на этом кладбище ухаживают за всеми могилами, даже за теми, которые надолго покинуты родственниками.

Но я не покидала тебя, бабушка.

Все хорошо. Если б не межличностные отношения.

В Израиле мне на прощанье подарили Пятикнижие Моисея. Старое издание, побывавшее в концлагере... Бесценный подарок. Наша кошка все время лежит там. Как замерла. Сходит по своим нуждам и опять туда ложится.

Как бы это... Чтобы без морализаторства... Не нравится мне выражение «пипл хавает»... Ничего не могу с собой поделаться. Наверное, я тоже пипл.

В детстве я была в Артеке и проплакала там все тридцать дней.

Как можно плакать в Артеке, где так красиво, такие корпуса и море и горы... И поход на Аю-Даг... И Адалары салют отдают... И все дети Союза мечтают там побывать, а везет только некоторым.

Я возненавидела все это сразу. Я сидела около столовой на траве, смотрела красными от слез глазами на море и готова была уйти по воде к себе в Самарканд, где наша веранда, мама с папой, собака Гранка и друзья во дворе.

Каждый день начальник лагеря проходил мимо меня и задавал один и тот же вопрос:

– Ну что, девочка, ты все ревешь? Ну что мне с тобой делать? Ну, скажи, что тебе у нас не нравится? Смотри, все веселые. Смотри, как у нас все красиво...

Он был хороший, этот начальник лагеря, но я не могла ему объяснить, почему мне так тошно там. Почему воротит от этих вечных подготовок к каким-то конкурсам строя и песни, на лучшую речевку, на лучшее исполнения танца «Чайка», потому что Крым же и чайки там... И море на время, десять минут, не больше. И подготовка то к открытию лагеря, то к его закрытию, и песни учить и четверостишия... И только один мальчик, Вася Пушкарев, мне запомнился светлым пятном. Это он тащил меня за руку при восхождении на гору Аю-Даг, потому что сил уже не было, и пить хотелось от жары страшно...

Все давно уже покорили вершину и чувствовали себя настоящими пионерами, а Вася все тащил и тащил меня, отстав от отряда на несколько километров и не бросая меня. А я не понимала, зачем мне так мучиться и покорять чего-то. Вася, я помню тебя.

Теперь я смогла бы, наверное, ответить симпатичному начальнику лагеря, почему я все время ревела в таком раю. Там постоянно надо было с кем-то соревноваться и что-то выигрывать, тренироваться и побеждать. И покорять вершины. А у меня до сих пор не появилось желание чего-то и кого-то покорять, а главное – куда-то переться для этого. С кем-то соревноваться и выигрывать. Чего-то добиваться. Ходить строем и говорить хором.

И кого-то побеждать за столько лет мне так и не захотелось.

Вчера не поела на ночь – и так хорошо было. А сегодня поела – и так, знаете ли, замечательно...

Вот так живешь с мужем, живешь, а потом выясняется, что он помазун какой-нибудь, вполне ничего себе мужик этот белгородский, не крокодил внешне... Или чикатило... Тот вообще учителем был... Или брейвик, симпатяжка такой, викинг...

В четвертом классе я сидела за одной партой с Витей Членовым. Это был добрейшей души пацан, высокий и крупный. Тогда он еще не понимал, почему все прыщавые старшеклассники ржут при виде его и называют членом. Тогда и я не знала, что такое член, не только Витя. И никто в нашем классе тоже. Мы не понимали, почему старшие смеются при виде Витьки. А он очень страдал, я это видела.

Математичка Валентина с лицом благочестивой Марты и большим животом, который она все время поглаживала сверху вниз непонятно зачем, поставила Витьке двойку в четверти. Витька заплакал, это было последней каплей после всех дразнилок. Я написала записку: «Эта Валентина сволочь, не плачь!». И подвинула тихонько ему, не сводя глаз с живота Валентины.

Пока Витька читал записку, Валентина одним махом перешагнула класс и подскочила к нашей парте. Что называется, спиной почувствовала, что про нее. Наверное, давно себя сволочью мнила. Я успела скомкать записку и сжать в кулаке. Валентина требовала отдать записку, но я не отдавала. Тогда она стала насильно разжимать мой кулак и разжала. В этот момент Витька выхватил у нее записку из рук, кинул в рот и съел. Валентина стояла красная и орала: вон из класса и родителей в школу.

Мы с Витькой с радостью выскочили в коридор. Он спросил: твои родители придут? Я сказала, что нет. Что моего папу уже год вызывают в школу за то, что я не приношу кал, так он и то не приходит... Витька засмеялся и спросил: а че ты кал не приносишь? Я принес!

Через три года Витька понял, почему его дразнили членом. И сменил фамилию на материнскую. Но все годы не мог забыть издевательств. И как-то грустно у него сложилась жизнь. Рано умер, почти сразу после выпуска.

Витька, я тебя помню. Как ты мою записку съел.

У сотрудницы любимая кошка по весне удрала через форточку. Три недели ее не было, а на сотруднице не было лица. Все утешали, говорили, налюбится, вернется. Три дня назад вернулась. Через ту же форточку. Очень печальна, очень грустна.

Post coitum animal triste. После соития тварь грустна... Ничего не изменилось с древности.

Сегодня День программиста. Но я уверена, что они, программисты, об этом не знают. Им вообще вся эта наша суэта сует не интересна. Инопланетяне. Одного, Дениса, ой, Дэна то есть, до сих пор помню... В теплых вязаных носках. Молча заходит, вынимает первую бутылку пива и часов шесть сидит, глядя в монитор и что-то набирая на клавиатуре. Периодически произносит: мда... Раз пять спускается на лифте за очередной бутылкой пива. На мой тревожный вопрос: ну что там? – отвечает после долгой паузы: бывает хуже... И идет на кухню курить. Тревога моя усиливается, и я представляю, сколько мне придется платить за это «мда»... Собрав аккуратно все бутылки, Дэн встает, долго смотрит вдаль и произносит: да вы просто поаккуратнее, у вас много окон открыто было... Я их позакрывал. Уходит и не берет денег ни копейки. С праздником тебя, Дэн!

А по вечерам, когда было совсем темно и небо в желтых звездах, мы ходили всем двором вокруг нашего дома и заглядывали в окна на первом этаже. Тогда первый этаж был совсем низким, решеток не было, и вообще родители не боялись за нас, не закрывали двери в квартирах, и все это правда.

Однажды мы заглянули в окно наших соседей, чьи две дочки гуляли с нами в этот вечер. Пацаны начали умирать со смеху и звать нас пальчиком, мол, все сюда!!! Мы прильнули расплюснутыми носами к окну и увидели там маму и папу наших подруг, которые, пока дочек нет дома, захотели любить друг друга. И вот стоит стая придурков лет десяти, хихикает, и лица сестер, которые в свое окно смотрели на все это, я никогда не забуду.

– Ах, значит, так, – сказала одна из них. – Значит, вот вы какие... Мамочка. И папочка... А мы вас так любили... А вторая, сестра помладше, повернулась к нам и сказала:

– А вы будете с нами дружить после этого? Мы им скажем, они больше не будут... И заплакала.

Через годы и годы мы с ней, со второй, встретились и вспомнили эту историю. И она сказала, смеясь: теперь я знаю, что родители были правы. И в этом тоже.

Ни одного блина не съела, но уже несколько дней лоснится лицо. Великая магия слова – масленица.

Если мужчина вам говорит: тебя нельзя не любить, – тут же бегите от него.

Наши люди, как известно, не улыбаются. Их право. Не хочется – зачем улыбаться. Но если девушка в утреннем автобусе, почти девочка, всю дорогу улыбается чему-то своему – это же глаз не оторвать. Наверное, ночь прекрасная была. Или будет. Но день прекрасный обеспечен. Это ее, любви, дела.

Одна моя бывшая коллега по коррекционной школе, учительница с внешностью модели и интеллектом довольно отсутствующим, как-то произнесла: черт меня дернул пойти в свое время на олигофренопедагогику! Учи этих идиотов теперь...

– Оль, а правда, зачем пошла?

– Знаешь, мне так понравилось название факультета. Красиво звучит, правда? Олигофрэ-эээээээно... педагогика... Олигофрээно! Ваше супер, да?

Про пионервожатую нашу, Тамару, не вспоминаю. Потому что не забывала никогда.

Мы возвращались темным азиатским летним вечером вместе с Тамарой из театра, несколько девчонок-пятиклассниц. Стая обкуренных, как я теперь понимаю, парней преградила нам дорогу. Приставили ножи чуть ниже наших животов и процедили – пошли с нами. Мы замерли и посмотрели на Тамару. Тогда она казалась взрослой тетей, а лет ей было двадцать, не больше...

Парни потребовали для утех не ее, она была очень некрасива и, наверное, стара для них. Мы же ничего в утехх не смыслили, и слова такого не знали, и не понимали, что от нас хотят. Тамара сказала громко: бегите быстро домой, вы тут все рядом живете, а я сама пойду с ними. Мы рванули кто куда, и сердце мое никогда так не стучало.

Потом мы узнали, что Тамара пошла с этими...

Они насильовали ее всю ночь. Она попала в больницу, потом уволилась из школы и уехала из города навсегда.

Редко бывают такие непривлекательные лица, какое было у нашей пионервожатой. Но еще реже бывают такие прекрасные лица. И такие подвиги.

Я приходила домой после школы, открывала ключом дверь и заходила в прохладу пустой квартиры после сорокоградусной азиатской жары. Пока доходила до дома, на меня с неба как будто кипяток лился. Я шла на кухню, открывала крышку сковородки, там уже мамой все было к моему приходу готово. Садилась за стол с тарелкой и перед собой ставила зачитанные до дыр узбекские народные сказки. Или «Шел по городу волшебник», была такая книжка, Юрия Томина, кажется... Или «Голубые дорожки»... Не помню, кто написал, но запомнила, что бабушка главной героини готовила к ее приходу кисель и пирожки. Потом начинали звонить одноклассники и спрашивали: че делаешь? И я отвечала: ниче. А ты? – И я ниче. – Ну пока... Уроки будешь делать? – Не знаю. – Ну пока. – Ну пока. Потом я заваливалась на веранде на диван и засыпала до вечерней прохлады, прочитав страниц десять любимой книжки и закидывая в рот виноград «дамские пальчики», он всегда был у нас в холодильнике.

Это было вчера, клянусь...

Сегодня пили чай с тортом, именинник угощал, сотрудник. Приехал рано утром с дачи. Рассказал всякого... Как деревенские пили все тринадцать дней за Победу с родственниками, а потом этих родственников обсуждали, когда те разъехались, мол такие-сякие... ну, как водится. Но меня другое потрясло до глубины души. Я так люблю, когда просыпаюсь от пения птиц за окном. Особенно красиво пели соловьи лет десять назад, когда мы всей семьей отдыхали в Лосево, на Карельском перешейке. Там вообще сладко спалось, и я нежилась в кровати, слушая, как поют соловьи, и с закрытыми глазами нащупывала мужа... Не нащупала. Не открывая глаз, подумала, что опять рано встал и в лес пошел, очень лес любил. И точно, принес грибов, разбудил меня поцелуем, а я уже и не спала, соловьев слушала.

А сегодня сотрудник сказал, что соловьи не просто так поют, не бескорыстно. Представляете? Они так самок заманивают. Даже соловьи небескорыстно поют. Меня это убило наповал. Хоть кто-нибудь бескорыстно поет в этом мире?

В школе я была влюблена в отцовского друга, талантливого журналиста и любимца женщин.

В него нельзя было не влюбиться. Собачьи припухлые глаза и талант. Когда отец приводил его к нам на обед, я открывала им дверь, и внутри у меня все обрывалось. Каждый раз. Он тоже очень любил меня, как ребенка.

Потом он развелся с женой и жил у нас какое-то время, со мной в одной комнате. Я потеряла сон и только смотрела на него спящего неподалеку, смотрела и смотрела...

Через годы, когда я уже расцвела и оформилась, я оказалась проездом в том городе детства и позвонила ему. Он обрадовался и пригласил встретиться. Впрочем, связь наша не прекращалась, мы переписывались время от времени все эти годы, и я знала, что с ним случилась беда. Во время удаления зубов под общим наркозом врач уронил вырванный зуб ему в трахею и скрыл этот факт от всех. И без того страдающий с детства от астмы, этот человек лишился одного легкого и стал задыхаться совсем. Врачи посадили его на гормоны, и бывший любимец женщин и меня превратился внешне в огромного, нереально толстого и ослепшего к тому же от гормонов мужчину.

Он со мной делился этим в письмах, и я знала, что уже никогда не увижу того, прежнего. Таким, каким он был в моем школьном детстве.

А по телефону, через годы, я услышала: ты приходи, но я сейчас страшный, Аллочка... Только не испугайся... Но приходи.

Да, он еще при этом не прекращал работать, и все тексты вычитывал через сильную лупу.

Я подошла к его дому, и мне навстречу из подъезда вышел он. Я умею владеть собой и надеюсь, что он не заметил моего ужаса...

Мы обнялись. Он взял лупу и сказал – вот ты какая, Алка, стала... Пойдем на кухню... На кухне мы пили кофе и ели запеченные им бутерброды с сыром. А он остался тем же, рассказчиком непревзойденным, все про Маринеско рассказывал и рассказывал. Сильно нервничал, еще поэтому. А я про Маринеско не слушала, а только смотрела и смотрела...

Перед уходом он вдруг взял в руки мое лицо и стал осыпать его поцелуями вперемежку со слезами. И сказал – спасибо тебе за все. Через год его не стало. Мне позвонили из моего детского города и сказали: он умер. Принял яд. Не смог больше так мучиться.

Ну это я к тому, что да, поцелуи разные бывают... Как и судьбы.

Я давно заметила, что какой-нибудь человек живет в согласии с совестью и миром, добра много делает и наград за это не просит, в общем, что надо человек. А потом один раз не сделает кому-то добро, не сможет, или оступится, или... Но только один-единственный раз – и сразу плохим становится. И наоборот. То есть живет какой-нибудь, не знаю даже как назвать, женщин бросает, жадный к тому же, лживый, предаст – глазом не моргнет, людей обижает легко, в общем, свинья. А один раз старушке ответит, как пройти в библиотеку – и святой сразу. Все кричат – ура, а мы так плохо о тебе думали, стыдно-то как нам теперь.

Когда на сердце тяжесть и холодно в груди... К ступеням Эрмитажа не хочется идти...

Так трогательно, когда мужчины публикуют в фейсбуке свои портреты... Хочется подойти, погладить их по голове и сказать – да красивый ты, красивый! Еще орел.

Захожу в родной коллектив, а там всюю обсуждение идет. Почему прохожий, которому навстречу одна сотрудница шла, улыбнулся ей. Незнакомый, а улыбнулся. Общий вывод коллектива: больной!

Было еще одно предположение.

– Может, у тебя резинка от трусов лопнула, а ты не заметила?

В соседнем подъезде нашего дома давным-давно жила татарская семья. И было у них три дочери. Две любимые, а одна по имени Хуршида. Горбатая, худенькая, с вечным платком на голове. Не то неродная, не то просто нелюбимая. Все делала по дому, а ее били и били. В основном пьяный отец. А мать молчала, но как-то зло молчала. Поглядывая то на плачущую Хуршиду, то на спицы, которыми в это время вязала.

Однажды горбатую Хуршиду избили так сильно, что она сбежала из дома и просидела всю ночь зимой на скамейке в одном халате. Простудилась и стала сильно кашлять. Во дворе пошел слух, что у нее туберкулез, и все соседи боялись ее пускать в дом, чтобы не заразиться. А в родной дом ее больше не пускали.

Я привела Хуршиду к нам. Она была голодная, но ничего не просила. Во время обеда моя мама отсадила Хуршиду в другую комнату, отдельно от нас с сестрой. Мама принесла ей туда много еды, и она ела ее одна. Мама боялась, что мы с сестрой заразимся туберкулезом. Наверное, она была права. Все мамы, наверное, всегда правы.

А я не могу забыть, как горело мое лицо от стыда. От того, что мы испугались какого-то там туберкулеза. По мне – так лучше бы я им заболела, чем отсаживать человека, как прокаженного.

Как вспомню – исчезнуть хочется. До сих пор...

Лето. Все куда-то едут, только успеваю читать.

Куда рвануть, а? – спрашивают. Может, туда? Или вон туда? Там мы уже были, отстой. Лучше – сюда, отвечают им...

А я где сидела, там и сижу. Только взглядом как будто провожаю взмывающие лайнеры и уходящие поезда.

Какой красивый все же Петербург. Какой неназойливый, параллельный и достойный. Несуетливый. Не лезет к тебе. Не трогает, не дергает за рукав... Ты сама, он сам по себе. Никогда не мешает жить. Этим и помогает.

Сегодня мчались с дачи подруги, леса с обеих сторон от шоссе. Подруга молодая, молчаливая, очень чуткая и неназойливая, как Петербург. Вроде бы вся в себе. Но вдруг очень резко затормозила, изменившись в лице... Совсем маленькая рыжая белочка, просто недавно народившаяся, перебежала быстро дорогу прямо перед машиной. Чудом углядела, чудом тормознула. И было в этом что-то очень сильное. В том, как резко она успела затормозить перед маленькой рыжей белочкой. Какое-то всемирное братство всех живых существ в этот момент проявилось.

И то, как моя интровертная очень подруга в лице изменилась, испугалась, что задавит, многое-многое продолжает в ней открывать...

В старших классах мы ездили на хлопок. Представляете, у нас был план. Вернее, у школы. А у нас – норма. Под палящим солнцем мы целый день вынимали невесомые кусочки ваты из хлопковых коробочек и бросали в подвязанный фартук. Казалось, фартук никогда не наполнится. Какие там килограммы и тонны? Граммы бы набрать. Но каждый день неведомо как норму выполняли. Мальчишки помогали девчонкам-копушам, хнычущим от жары и усталости.

А самое потрясающее начиналось вечером. Когда спадала жара и мы гуляли под темным звездным азиатским небом. Много пели. Пацаны, все как один, играли на гитарах. Пацан без гитары никакой не пацан был тогда.

В твоих глазах осенний тиийхий день... Или: что вы улыбаетесь, вас бы так позвали, я к своей любимой приглашен на свадьбу... В жизни все порою так смешно устроено, я приду с букетом, словно посторонний... Или: я в весеннем лесу... пил березовый сок...

Почему нам никто не сказал тогда, что все это называется счастьем?

Вчера еще цвела сирень, разных оттенков – белая, светло-сиреневая, почти голубая, и совсем темная. Пахла! А сейчас снег кружит по всему Питеру, речка Карповка, моя любимая, подернулась льдом, а утки, которых я кормила все лето, сидят, как и сидели. Ничего не понижают. Как вкопанные. Мерзнут...

Каждое утро сосед сверху долго и надсадно кашляет, по полчаса, не меньше. Потом издает нечеловеческий стон.

Вдруг подумала, что когда-нибудь проснусь и не услышу ничего этого...

Нет. Пусть уж лучше кашляет.

Вдруг резко... тоска сжала сердце и исчезла. Как порыв ветра.

Три дня без мобильного. В ремонте. Теперь я знаю еще одну непременно составляющую счастья. Непередаваемое ощущение свободы, как будто в шапке-невидимке существуешь.

Просто благодать. От чего бы еще избавиться?

Со мной в маршрутке вот уже три года добираются до своих работ одни и те же люди. Некоторые даже здороваются друг с другом улыбкой еще заспанных глаз. Как в каком-нибудь райцентре, что приятно. Замечать стала, что некоторые из привычных лиц иногда исчезали. Вдруг. Совсем. Непонятно почему. Живы ли? Или работу сменили, или страну? И ведь не узнаешь теперь. Представила, сколько в мире тех, кто не знает и никогда не узнает о нас. А мы – о них. Никогда.

Сын рассказывает, что преподаватель по истории России через десять минут лекции засыпает и храпит. При этом всю лекцию мрачен, во сне. Видимо, предмет хорошо знает.

Спрашиваю, записывать-то успеваете?

Пошла загранпаспорт делать. Посмотрела на свое фото и решила: с таким лицом жить нельзя. Не имею права.

А девушка, которая фотографировала, утешает: а че вы расстраиваетесь? Не расстраивайтесь. Вы такая и есть.

Мы не любили свою классную. Она был некрасивая, а дети любят красивых. Маленькая, с поджатыми и вечно обметанными болячками губами, с колкими глазами деревенской сплетницы и большим живот на тщедушном теле. Через пиджак мышиноного цвета у нее постоянно проступало грудное молоко, так как она была кормящей матерью. Называли мы ее между собой Курва.

Помнится, она очень не любила меня, но терпела. Мой папа был редактором областной газеты, второй человек после первого секретаря обкома. Из-за этого я несла фамильное бремя выпуска школьной стенгазеты, что вызывало у меня стойкое отвращение... Когда сменился первый секретарь обкома, сменили и областного редактора. Курва на следующий день сняла и меня, бояться ей больше было нечего. Выпускать на ватмане ежемесячную хрень мне больше не доверяли. Такое время было.

Восьмого марта пацаны решили сделать нам подарок и увели со всех уроков в кино. Перед этим каждой девчонке подарили одинаковых оранжевых пластмассовых жирафов с вертящейся головой.

Назавтра Курва устроила разборку, искала зачинщиков. Она их, точнее, даже не искала. Сразу назвала мою фамилию и выставила перед всем классом, у доски. Я хорошо помню первое предательство своей жизни, этот день.

Это она зачинщица?! – спросила Курва у класса.

Все молчали. Ни один пацан не признался, что это они увели нас с уроков. Я тоже молчала, давая возможность пацанам набраться духу и признаться. Курва сидела на задней парте, а я стояла у доски и, сглатывая слезы, с ненавистью смотрела на синие с начесом рейтузы меж ее вечно несдвинутых ног.

Мальчишки так и не признались. Потом они выросли и нашли меня в Одноклассниках. Я была рада.

После выпускного Курва вдруг заплакала и сказала: почему-то мне именно с тобой очень жаль расставаться. Мне было не жаль расставаться с ней, но жаль ее в тот момент было. Наверное, потому что из ее маленьких колючих глаз текли слезы.

Через три года одноклассники написали мне, что Курва умерла.

И какой был смысл не любить ее?

Сотрудница с завидной периодичностью какую-нибудь пакость коллегам делает. И что интересно, никогда не повторяется.

– Да что ж ты за человек такой? – говорю. – Недели не проходит, чтобы не нагадила, и каждый раз по-новому!

– Я человек верующий, на исповеди каждое воскресенье хожу, – объясняет. – Батюшке, по-твоему, интересно одно и то же слушать?

Когда мне должны были первый раз принести сына на кормление в роддоме, я волновалась. Причесалась тщательно и губы накрасила. Очень понравиться новорожденному хотела... Он, наверное, тоже ехал в тележке и думал: интересно, какая у меня мамашка?

А ведь до сих пор не знаю, что думает, когда на меня смотрит.

И смешно и стыдно одновременно. Больше стыдно, хотя ничего плохого не сделала. А как вспомню – жаром изнутри обдает.

Приехала провинциальная вчерашняя школьница в Тарту. Я, то есть. Комплексов больше, чем килограммов, при том, что килограммов тоже немало. На второй лекции великий Лотман про декабристов рассказывал, книгу Окуджавы упомянул о них...

Подхожу в перерыве. Во рту пересохло от волнения. Близко вижу уставшие иудейские глаза Юрия Михайловича. Несколько раз сглатываю что-то в пересохшем горле и, наконец, задаю вопрос:

– А где роман Окуджавы найти?

Мол, я тоже знаю, кто такой Окуджава. Мол, он же опальный, мы-то с Вами, профессор, это знаем, да?

– В библиотеке, коллега, – отвечает мне Лотман спокойно.

А как будто по носу щелкнул. Точнее, по попытке почувствовать себя приближенной и посвященной. Дешевая попытка была, вспоминать стыдно, жуть. Ну и смешно тоже.

Люди получают квитанции за коммунальные услуги с суммой, превышающей их пенсию, хватаются за сердце, пьют лекарства, звонят по всем общественным приемным, а потом покорно идут оплачивать счета в сбербанк. Покорно. Как в газовую камеру...

Вот спросил бы меня Познер: а о чем Вы, Алла, жалеете больше всего? И я бы чистую правду ответила: о том, что водку нельзя мне пить.

Я плохая еврейка. Я путаю бар-мицву и бат-мицву, брит-милу с бричмулой... Я не знаю своего языка, а меня еще учительница по музыке Ида Даниловна Зак стыдила – мол, почему татары, украинцы знают свой язык, а ты не знаешь? А я до сих пор не знаю, Ида Даниловна же меня играть на фортепьяно учила, а не языку. Мне стыдно. Я должна знать историю своего народа, его обычаи и язык. А я не знаю. Но и без этого я точно знаю, что еврейка. Когда я услышала впервые хор еврейских мальчиков из Лондона, я плакала. Когда я слышу, как дети в израильском дворе перекрикиваются на иврите, и вообще – когда слышу иврит, что-то во мне необъяснимое происходит.

Память крови? Или есть еще что-то, о чем мы даже не подозреваем?

Шварценеггера спросили, вам гражданство России еще не предлагали? Ответ не запомнила, но не в этом дело...

Я вдруг представила, что в очереди в жилконторе стоят Депардьё, Бардо и Шварценеггер за формой девять...

Без формы девять – какой ты российский гражданин? Вообще нет тебя.

Сегодня встретила Фирочку, с которой работала десять лет назад.

У меня совсем не было времени останавливаться, я могла сделать вид, что ее не вижу, но потом не простила бы себе... Это же Фирочка. Таких мало, почти нет. Десять лет назад ей было шестьдесят, и такого излучения добра и полного отсутствия вселенского зла я ни у кого не встречала. Помнится, она не любила, когда ей дарили цветы, и вообще цветы не любила. Потом мне сказали, что после похорон мужа она их не может видеть.

– Аллочка! – Фирочка! Мы обнялись.

Она стояла, чуть покачиваясь, после капельницы, из поликлиники шла. Глаза, уже подернутые возрастной пленкой, так же всех любили. Сохранились и веснушки, очень ей всегда шли, такая девочка Фирочка.

– Как Сережа, Аллочка? – Нет Сережи, почти четыре года как...

Фирочка заплакала. Я поддерживала ее за локоть, потому что ведь после капельницы. Она плакала так долго, что я даже испугалась. Тихо, без всхлипываний. Просто текло много слез по лицу, без остановки.

– А как Ваш сын, Фирочка? – Аллочка, он же в милиции работал... – Знаю... – Убили его, на задании... Да ты беги, ты же спешишь, я знаю, не подводи людей...

Никуда я, конечно, уже не пошла. Стояли мы рядом, и не было слов, и не нужны были. Ни мне, ни ей. И нет таких слов. Не придумали.

Каждый день я прохожу мимо замерзшей речки Карповки. На белой ледяной глади темные пятна неподвижных уток. Как неживые... Я кидаю им хлеб, но они не реагируют. Иду назад – крошек нет... Почему-то хочется связать им маленькие теплые носочки, шапочки и шарфики. Морозы, ветер ледяной, метель. А они сидят, босоногие. Крошек ждут.

А вот не помню... Наш президент на Библии присягу давал? И вообще какую-то клятву давал?

Например: клянусь не очень тяжело переносить все тяготы и лишения своего народа!

Заголовок: Колокольцев не против смертной казни.
Какая прелесть. НЕ ПРОТИВ. СМЕРТНОЙ КАЗНИ.
Чайку налить? – Не против!

Стас Михайлов нам не нравится. А многим нравится, полные залы счастливых людей. Поет себе, пусть поет. И Ваенга пусть поет, ее многие любят, и Петросян пусть смешит с женой... И еще многие пусть... Потому что... Я вот что хочу сказать. Если человек любит Стаса Михайлова – это не значит, что он мерзкий человек. Он может быть прекрасным человеком. И даже подвиги может совершать.

Я знаю лично такого человека. Он пожилой, не очень здоровый, элитный рабочий на заводе. Стаса слушает, ТВ смотрит и всему верит, президенту смерти не желает явно. Футбол смотрит и матерится, как водится... Зовут его дядя Витя. И вот этот неутонченный дядя Витя – единственный во всем пятиэтажном доме каждую пятницу уже много лет берет на руки соседского парализованного парня, которому под тридцать, и тащит в ванну, помогает несчастной матери помыть ее недвижимое дитя. Каждую пятницу, из года в год. Один во всем доме.

Правда, при этом Стаса Михайлова любит. Вот незадача.

Со мной в Тарту учился мальчик Саша, из-за которого все девочки возненавидели друг друга и желали друг другу чуть ли не смерти. Он был еврейским ребенком, с внешностью Яшки-цыгана из «Неуловимых» и молодого Пастернака одновременно. Неизменный красный свитер под горло, шевелюра из непричесанных кудрей, темный цвет лица, губы лошади и жгучие смеющиеся глаза. И талант, который не нужно проверять. Просто видишь человека и откуда-то знаешь, что да, талантлив.

Он любил разных девочек. Чтобы завоевать его внимание, они шли на разные ухищрения. Очередь была из всего филфака. Удар же нанесла незаметная маленькая девочка Нина. Которая как бы была вне этой очереди и попадалась ему на глаза, всегда опустив глаза и рассеянно улыбаясь в пол. Саша ее и выбрал. Потом ноги ей мыл, как она рассказывала.

Пока он ей мыл ноги, вся очередь из филологинь рыдала в подушки и называла ее сукою. Получается, что все они зря, как дуры, ходили с мытыми ногами. Потом Ниночка опустила глазки в другой пол, для другого, а потом удачно вышла замуж. Они такие, эти Ниночки, молодцы, в общем.

Сашка был хулиганом. Однажды он поджег в общежитии диван, и диван загорелся. Просто так поджег, посмотреть, как он будет гореть. Комендант общежития написала ректору, и ректор написал приказ об отчислении неблагодарного Саши, которого в родном Ленинграде никуда не принимали из-за пятой графы, а Эстония приняла... Не самого худшего ученика Юрия Лотмана и его супруги Зары Минц отчислили. К ним домой и пошел Сашка, рассказав о поджоге дивана и об отчислении.

Помогите, Юрий Михайлович, вы же понимаете, что это происки антисемитов! Юрий Михайлович засмеялся в усы и сказал: коллега, Вы хотите сказать, что диван подожгли арабские террористы? Но расстроился.

Сашку отчислили. Ректор с эстонской фамилией из одних гласных был неумолим.

Учеба без Сашки потеряла всякий смысл, да и жизнь тоже... Девочки залегли по кроватям, и по их лицам молча текли слезы.

Диван тогда заменили. А Сашку – никто не смог. Сегодня он известный русист в Германии, книжку его купила недавно. Женился, говорят, на баронессе... Так же непокорен, как его кудри в молодости.

Проснулась от таджикской речи под окном, первый этаж. Дети таджикские перекрикивались. Я что, опять в Самарканде? Опять детство? Если бы...

Петербург. Санкт. Только не пойму, что было сном. То или это.

Холодно. А им, таджичатам, интересно, как? Не мерзнут? В памяти всплывать стало...

Футбольное поле во дворе, просто двор, какое там поле... Жара под пятьдесят. Таджикские и узбекские пацаны, лет им по десять-двенадцать, гоняют мяч. Неподалеку, в тени, их матери сидят, кормят грудью очередного, десятого, скажем, ребенка. Футболисты периодически подбегают к матерям и утоляют жажду молоком из их груди, припадут, напьются и снова мяч гоняют. Незабываемая картина. Когда это было? И было ли.

Было. Все запахи помню. Все помню. Всех.

Парикмахерша час стригла меня с таким лицом, как будто у нее токсикоз. Я боялась, что ее стошнит прямо на мою голову. Когда я попыталась робко что-то спросить, она, не разжимая рта, – тошнит же, – раздраженно ответила: да подождите вы...

Сижку жду. Смотрю в зеркало на ее лицо, думаю, от чего же ее тошнит... От меня ли, от жизни или от беременности.

Вдруг очнулась от вопроса: уши оставляем? При этом около моего уха она нервно раздвигала и сдвигала ножницы. Оставляем, – на всякий случай сказала я. – И зачем? Что они вам дают? – брезгливо спросила она. – Оставляем, – настояла я на своем, от греха подальше.

Она пожала плечами и молча продолжала работать. На себя я даже боялась взглянуть. Заранее успокоила себя, что уши будут на месте и ладно, а что еще она снести может?

И вы знаете, прекрасно постригла! Я узнала, что зовут ее Катя.

Катя, девочка, что же тебе так плохо?

Столько красивых мест в Петербурге и пригородах... Дворцы, фонтаны, позолота, набережные подсвеченные, мосты переливающиеся в темноте сказочно... Всадники медные... Умом понимаю, что все это красиво и роскошно даже. А сердце больше всего к одному месту привязано, к речке Карповке, к той ее узкой и тихой части, где лодки, накрытые брезентом, привязаны, самые разные. И как будто спят эти лодки, чуть покачиваясь на тихих волнах Карповки. И деревья над ними склонились. Ивы, кажется.

Почему именно эти сто метров из всего Петербурга так волнуют? Не знаю...

Всю ночь спасалась от кого-то. Прыгнула через окно и бежала, бежала, бежала... (в жизни реальной никогда не бегала и не пробовала). Чувство одно: надо спастись! От кого? От чего? Очнулась, села на кровати, сердце колотится... Кошка Муська мирно спит на батарее, дети во дворе перекрикиваются, дворничиха Рая снег долбит... Уф.

Пока сон страшнее, чем явь – жить можно.

Эмигранты из теплых стран тоскуют... Послала картинку, там Питер зимний, плакали. Скучают по снегу. А мы – «проклятая зима»...

Сотрудница спрашивает: «Один день Ивана Денисовича» читала? – Давно... уже ничего не помню. – Точно читала? – Точно. Но давно. – Солженицын же написал? – Он.

– А я не читала... Нет, почему ты читала, а я не читала? – Ну и что? Невозможно все книги прочитать... Я тоже много чего не читала... Не переживай. Возьми да прочитай.

Опять сокрушается: ты читала, а я нет. Как я пропустила?! И название такое классное. Как могла пропустить? Короткая книжка? Один же день только? Да?

Звонок на работу.

– Здравствуйте. Я Вербило. Вы запомнили? – Да, конечно. – Точно запомнили, что Вербило? – Я запомню вас на всю жизнь...

– Вот... молодец... А почему голос такой хриплый? – Долго молчала. Всю ночь. – Содой полоскать надо. И щепотку яйца... – ??? – Не смейтесь, я знаю, что говорю... Так, у меня вопрос был вообще-то. Почему в Росрегистрации меня на прием не записывают?

– А что говорят? Чем мотивируют?

– Я Вербило. Что им еще нужно? Вы еще помните, что я Вербило?

В удивительном медучреждении я лежала. Прохожу мимо сестринского поста, медсестра спрашивает:

– Толмачева из вашей палаты какала сегодня? Если нужна клизма – пусть подойдет и доложит.

Доложит... Больница с военным уклоном, я случайно по скорой попала. Поэтому – «пусть доложит». Обход по понедельникам чуть ли не с министром обороны. За ним свита в полубморочном от страха состоянии. Все утро потемкинскую палату строили. Покрывала особым образом складывали у подножья, вдруг чинный зад присесть захочет и живот пощупать... Тумбочки приобрели первозданный вид. Старая уборщица пять раз полы помыла.

Чин даже не заметил. Вопросы, говорит, есть? Это уже когда покидал палату.

– Простите, что мне делать с газами? (Это Толмачева спрашивает, которая про клизму не доложила.)

Свита побледнела, рыжий заведением стал красным. Чин обаятельно улыбнулся, одновременно посуровев. Я смешливая, у меня истерика началась. Пришлось плавно перевести ее в кашель, а то еще демобилизуют раньше времени и без больничного.

Мне так стыдно... Я не люблю музеи и выставочные залы. Меня не оправдывает даже то, что их не любил Довлатов.

А ведь я когда-то была маленькой... И мне было три годика. И пять было. И даже годик. Помню вечно поддатого дядю Витю, навстречу которому бежала со всех ног через весь двор, очень любила его. Он шел с работы, покачиваясь как всегда, хватал меня обеими рабочими руками, поднимал высоко, на самое небо, а я хохотала от счастья, и он смотрел на меня, подняв голову, и приговаривал: Алка моя... Встречаешь?

Не то чтобы вспомнила. Просто не могу забыть.

На Каменноостровском каждый день прохожу мимо гаишника в открытой будке. Стоит в любую погоду, большой такой, носом шмыгает, глаза красные. Всегда думаю: как не мерзнет, как не устает? И куда вообще... писать ходит? Ему же пост покидать нельзя. Решила поздороваться однажды, как родной уже стал... А он мне: Ты (ты!) каждый день так и будешь здороваться? Мешать работать будешь?

А я переживала. Думала, как же он, ветрами обдуваемый... Изо дня в день...

Барбара Стрейзанд. Я бы хотела с ней дружить.
Мы бы много смеялись.

Молодая сотрудница нотариальной конторы, худая в брюках и очках, больше ничего не запомнилось, в нетерпеливом изнеможении прикрывала глаза после каждого моего слова. Неужели я все время чушь произношу? – думала я. Вроде бы нет. А она все продолжала и продолжала прикрывать свои уставшие от тридцатилетней жизни глаза, показывая, как ужасен этот мир и я вместе с ним.

И я поняла, что это, скорее всего, невроз какой-то у нее. Невроз глаз. Или невроз терпения. Или нетерпения. Потом она написала мне целый список действий, от которого у меня закружилась голова, и я поняла, что я не хочу на это тратить остатки жизни.

Тут вошел главный нотариус, симпатичный, совсем не нотариального вида мужчина в джинсах, вник в суть дела и сказал своей помощнице, что все не так. И что кто вам такую ерунду написал. Я даже глазами не могла показать – кто, просто их опустила. Он все понял.

– Света, – сказал главный в джинсах. – Тут всего одна бумага нужна. Вот такая. И молча написал ей что-то.

– Как??? – воскликнула Света. И опять в изнеможении прикрыла глаза.

Когда я выходила, они еще были закрыты. Может, заснула?

Всю ночь ругались соседи. Слышно было только жену. Сквозь слезы бубубубубубу... А муж в ответ только одно, раз двадцать: Да ладно тебе... Спокойно так, вяло.

И вдруг жена как закричит: Ну уж нет!!! Никаких «да ладно»!!!

Приходит коллега с тремя высшими. Со смеху умирает. Рассказывает, что до сих пор успокоиться не может, всю ночь смеялась.

– На кухне вчера возилась, а по телевизору такое один выдал, ну дает, ну юморист... Говорит, что самый выгодный муж – это который доширак три дня подряд ест. Один день лапшу, второй – приправу, а третий... ой, не могу, умру щас... А третий... не, ну я просто отпала... А третий – саму коробку... Не, коробку, представляешь??? Ну класс, скажи?

Фильмы о русских поэтах снимают иностранцы...

Только что посмотрела голландский фильм о поэте Борисе Рыжем. Открыла его для себя недавно. А голландцы давно.

Чувство стыда. Загадка. У кого-то оно есть, запредельное и жгучее, у кого-то нет вообще... Кому-то стыдно быть богатым, пока есть бедные. Представляете, есть и такие. Но чтобы было стыдно, что... жив, при том, что вокруг много смертей? Бывает и такое. Чувство вины, что жив. У Бориса Рыжего как раз было такое изнуряющее чувство. Изнурило до самоубийства.

Есть стыд. Загадочное, непостижимое чувство. Как ДАР. И как МУКА... Дар всегда мука.

Вчера в двенадцатом часу ночи возвращалась с работы. В притихшем вагоне метро я сидела с пустой от усталости головой, почти засыпая. Вдруг громко зазвучала музыка. Адажио Альбини. Свирель. Вот молодчина кто-то, такую музыку на мобильник догадался поставить.

Но слишком громко для мобильника звучала свирель. И все ближе адажио приближалось ко мне. А вместе с ним женщина лет сорока, с сумкой через плечо и свирелью в руках и губах. Она играла, глядя перед собой, вернее, внутрь себя, будто никого не видя, как слепой музыкант. Играла прекрасно. Лицо ее было простое и милое, уставшее и обычное. Пальто, сумка, обувь – недорогие, но не убогие. Женщина, каких много. Только не все ходят по вагонам метро с белоснежной, может, даже самодельной свирелью, и играют Альбини в ночной электричке.

Деньги она принимала, благодаря кивком головы, не замедляя шаг.

Преподаватель по химии сказал в группе сына за два дня до экзамена: ребята, у меня друг погибает в больнице... Кровь нужна. Сходите, сдайте, пожалуйста... Экзамен, обещаю, все сдадите.

Сегодня вся группа поехала в больницу. Сын говорит, что не из-за экзамена. Говорит, что у преподавателя слезы видел...

Я верю детям. Что не из-за экзамена.

Коко Шанель сказала, что у настоящей женщины должно быть маленькое черное платье. Коко Шанель сказала, что идеальная женщина это та, которая не устраивает сцен и сдерживает себя, когда обидно и больно. Коко Шанель много чего сказала.

А мы-то тут при чем?

Тоска по негромким людям. Все чаще.

Прочитала информацию: израильские коммунальные службы готовы к снегопадам. А питерские и московские каждую зиму глаза делают и в обморок падают на собственный же неочищенный лед.

Муж знакомой выехал на встречу, рядом сидел его близкий друг... Муж знакомой был нетрезв. Друг погиб. Муж запил. Потом вышел из запоя. От суда как-то отверглись. Решили на семейном совете, что не так живут, мол, это был сигнал свыше. Решили, что надо жить по-другому. А именно: меньше жрать... Похудели оба на семь кг. Успокоились. Хорошо выглядят.

Кроме того, вспомнили, очень кстати, что погибший друг попивал и вообще был блядуном.

Почему-то слушаю Синатру – и сразу хочется в Америке оказаться...

Кажется, что там, именно там, под Синатру, случится что-то настоящее, разрывающее. И что именно там, в Америке, где такая музыка и такие синатры, и такие николсоны и альпачины с денирами, все будет хорошо и сильно... Пой, Синатра, пой. Плоди иллюзии. Иллюзии – самое лучшее, что может быть в жизни. Я их люблю.

Смотрю по Культуре «Герман, сын Германа».

Он не умер, что угодно мне говорите...

Герман и Светлана, жена. Потерять мужа страшно. Потерять мужа – Германа... Какие силы тут помогут?

Вспоминала сегодня, как привезли нас в Репино на семинар. Ввалились мы шумною толпою. Тут открывается дверь одного из номеров Дома отдыха, и маленькая немолодая женщина с глазами девчонки четко произносит: пожалуйста, потише, Алексей Юрьевич отдыхает, он плохо себя чувствует...

Десять лет назад это было. Такая любовь до гроба и после него... это ЛЮБОВЬ. Любовь пожилых, которые еще фору дадут молодым.

Недавно прочитала, что после сорока женщина уже не женщина, и надо валить от нее, потому что ну как же можно с уже не таким упругим телом жить... Если мужчина не знает, что делать с сорокалетней женщиной и воспринимает женщину как тело – это его горе. Но вот час назад в КВНе все падали от смеха. Знаете, от какой шутки игроков? – Максим Галкин не любит песню «Я люблю, когда ты голая ходишь по дому». Все валялись.

Фантастически ледяной ветер в Питере, сжигающий лицо... Носится в черном бесснежном воздухе... Ни одной снежинки нигде. Черный город с огнями и бешеным ветром. Автобус как спасение, там печка и можно прижаться к людям. Впервые захотелось прижаться к толпе автобусной, хоть как-то согреться. Очень холодно. Слезы от этого по всему лицу. Но я не плачу. Просто зима.

Открыла глаза, лежу, думаю – зачем? Закрыла снова. Опять думаю – зачем закрыла? Пока думала – уснула. Проснулась, открыла глаза, лежу, думаю – зачем?

Есть люди, у которых нет в организме слова «спасибо». Нет рефлекса. Они, мне кажется, такими родились.

Как будто хромосомы какой-то нет.

Подскажите: много ли дают за убийство нудного, душного и дураковатого охранника, который не дает мне работать вот уже два часа и рассказывает, как у него не держатся зубные протезы и натирают десну снизу и какое говно крем «Корега», который рекламируют?

Если вы проснулись без чувства непоправимости, значит утро доброе.

Не понимаю, почему всех так раздражают вопросы Марка Цукерберга? Меня не раздражают.

Вас часто за день спрашивают, как дела? Как вы себя чувствуете? Что происходит и о чем думу думаете? Да при этом по имени называют, а ведь нет ничего слаще для человека, чем его имя. Мне нравится.

С радостью выписалась из больницы.

Самое яркое впечатление – соседка по палате, заведующая детским садом, которая называла меня Саррой. Это я где-то в разговоре упомянула, что еврейка.

– Саррочка, – нарочито грассируя, обращалась ко мне с запредельно фальшивой улыбкой завсадом, – закройте за собой дверь...

Я, конечно, не закрывала, потому что меня зовут Алла.

– Саррочка, вы что, глухая, ваша задача здесь закрывать двери...

Мне хотелось врезать по этой завсадовой морде. Это была даже не морда, а скорее жопа, побитая жизнью и борьбой за выживание на зарплату завдетсада.

Выжить удалось на славу. Внизу стоял шикарный мерседес, на котором приезжал ее муж, зав АХЧ этого же бюджетного сада. По городу скучали несколько квартир, им принадлежащих, а во рту сияли тридцать два имплантата стоимостью полтора миллиона. Все это было продемонстрировано всей палате с подробным рассказом и называнием всех стоимостей.

– Саррочка, дай сигарету...

Это было последней каплей. Вывести меня из равновесия... это надо очень постараться. Я посмотрела на седые распущенные патлы, на 32 имплантата. Я смотрела на нее долго, потому что глаза у меня длинные. Мне было противно, но я смотрела. Она отвела взгляд, и тогда мне пришлось взяться за ее угреватый подбородок, поднять его высоко и сказать:

– Еще раз назовешь меня не моим именем...

Но не успела я закончить, как она рухнула на кровать и дрожащими руками схватила тонометр, стала измерять давление...

Живи, несчастная.

Хожу по этому проспекту на работу и с работы...

Как точно. «И в эту минуту вспыхнули фонари по всему Каменноостровскому. Еще не совсем стемнело, и вдруг вспыхивают фонари. Знаете, как это прекрасно... Все. Больше ничего. В эту минуту – перевернулось во мне что-то. Точно я совсем погибал и чудом спасся. Стою, шапку зачем-то снял. Старый дурак, думаю, на что ты убил пятьдесят лет жизни?»
«Петербургские зимы». Георгий Иванов.

А Холокост-то, оказывается, стольким покоя не дает... Вроде бы приличным людям. Сам факт, что об этом вспоминают ежегодно... их раздражает.
Тоска.

Впускаешь человека в свою грудную клетку, почти как торакального хирурга... В сердце выпускаешь, в его сердцевину... А тебе потом – раз и по самому больному. Два, три, четыре... А ты сидишь, или лежишь уже, а тебя добивают. И думаешь – а какого... впустила? Тебя про-сили? Вот и лежи теперь.
А потом опять выпускаешь.

Интересно через годы пересматривать Тарковского...
Смотрю сейчас «Жертвоприношение». Ничего элитарного. Все понятно, просто, гениально. Именно потому, что все понятно. Просто. Не оторваться. Нужно было дорасти, вероятно. С его, Тарковского, душевным опытом совпасть.

Звонок с неизвестного номера. Говорит по-русски с сильным американским акцентом.
– Меня зовут Майк. Я представляю компанию... Алла, вы вчера начали заполнять анкету для выигрыша гринкарты, так?
– Так...
– Почему вы не закончили заполнение, вам помочь?
– Не закончила, потому что не знала, что за участие в лотерее нужно платить... У меня сейчас нет таких денег, но скоро будут...
– У вас нет денег? Вы не работаете?
– Я работаю.
– Я не понимаю... Вы работаете, но у вас нет денег?
– Именно так, сейчас этой суммы нет...
– Значит, вы не работаете?
– Я работаю.
– Но тогда почему у вас нет денег?! Как можно работать и чтобы не было денег? Это импасбл... О май гад... Вы точно работаете?!

Ух и хитрожопая Муська у меня. Просто цирк.

Просыпаюсь от того, что обои царапают над моей головой. Вскрываю, чтобы прикрикнуть, – ничего подобного, спит, как убитая... Показалось, наверное. Только глаза закрыла – опять. Ну явно обои рвет, кусок даже полетел по комнате. В ярости опять вскакиваю, чтобы... А на кого орать, спит себе кошечка, уютненько так, кисочка такая. Ну, думаю, с ума схожу, наверное. Опять ложусь, но уже глаза не закрываю. Притаилась. Слышу – опять с хрустом отрывает обои. Кто-то. Кто? Не дай мне Бог сойти с ума. Тихонько, не дыша, приподнимаюсь – и что я вижу?! Эта моя рыжая прелесть, только что безмятежно сопевшая, а теперь с бешеными глазами, стоит задними лапами на столе, а передними рвет обои. Увидела меня – плюх в позу спящей опять. Лежит, не дышит, само очарование.

Что-то в слове март резкое и агрессивное есть. И безоговорочное. МАРТ. Это «Р». Это «Т». Ничего смягчающего. Март, Марс, война. И холод еще собачий, сегодня в три захода утром на работу дошла, так холодно. Грелась в банках, благо они на каждом шагу. Там тепло. Короткими перебежками от банка к банку и дошла. Охране их так и сказала, мол, греться зашла. Поверили, надо же. Быстрее бы май. Там «Й» есть. И краткое.

Наша кошка Муся по кличке Кармен хочет каждые десять дней... Извелась сама и нас извела, смотреть не могу на ее мучения. Очень ее понимаю, но помочь не могу. За стенкой живет наглый блеклый кот Кузя, который все время сидит на форточке. Готова уже была к нему отвести.

А тут посоветовали хорошего ветеринара, который на дому стерилизует кошечек. Сказали, что веселый очень. Берет этот шутник три тысячи. Мне по телефону, хохоча, сказал, что у Муськи поликистоз яичников. Видно, очень смешной диагноз. Короче, придет. Будет стерилизацию проводить и смеяться.

Может, это брат веселого молочника?

В субботу стерилизуем Муську. Сын спрашивает: мам, а она не обидится на нас?

К стерилизации все готово. Муся не кормлена с семи утра, так наказал ветеринар. Сидит, смотрит в окно, молчит, совсем молчит... Чует кошка. Не бойся, Муська, я с тобой.

Какой замечательный ветеринар к нам приехал. Огромный, с бородой и детскими глазами. Впечатление, что все время шутит. Шутки от нешуток начала отличать только через час. Сказал, что кошечка наша вполне здоровая, если так часто хотела любви. Сказал, что когда маялась, нужно было прекращать кормить.

То есть??? – удивилась я. – Доминанту поменять? Точно, – отвечает, – стала бы не о коте, а о еде думать. А с людьми та же история? – спрашиваю. Ответил, а вы как думали! Конечно!

Да что ж я во всех влюбляюсь!

Вот ветеринар два часа со мной беседовал... Обменялись наблюдениями за животными. Кошки почему такие умные? Они хutorяне, одиночки. Поэтому, когда некому подсказать, взять на себя ответственность, решать, как выжить, – мозг больше напрягается... Не то, что собаки, к стаям, как волки и как люди привыкшие. В стаях все как у нас. Слабые, дураки, умные, сильные, сволочи, интриганы и благородные... Всегда можно за чью-то спину спрятаться, а потом в эту же спину нож воткнуть. Авось, в стае не заметят. Одним волком меньше, одним больше. Работа мозга на всю стаю распределяется. Чей-то мозг спит за счет напряжения другого. Все знакомо. Чья-то совесть спит за счет бессонной другой... А коты – сами себе и мозг, и писатель, и читатель, и интриган.

Поэтому, сказал ветеринар, и детей своих нужно быстрее отделять. В их же интересах. В общем, очень интересный собеседник. Чаю попил, бутерброды горячие поел. К Муське, которая от наркоза в глубокой отключке, нагнулся и еще раз прослушал сердце и легкие. И ушел.

Большой, красивый, остроумный, добрый, матерый человечисе – как в такого не влюбиться? Глыба же.

У меня за стеклом в книжном шкафу стоит фото девочки Жени. Я специально ее на видное место поставила, чтобы душа жиром не заросла. И чтобы сразу в себя приходиться, когда хандра начинается.

Несколько лет я ездила домой к этой Жене, у нее ДЦП, ей уже восемнадцать... С детства недвижима, и до сих пор хрупкая, но сильная мама Наташа переносит ее на руках по квартире. А весит Женя уже больше мамы в два раза. Папа Женю не носит, у него спина болит и много работы. Только силой материнской любви можно поднять такой вес. Она же, Женя, еще и не двигается, поэтому полнеет.

Я научила ее читать, пусть медленно. Хотя я не дефектолог. Дефектологи мучались, не смогли. А я усадила ее за монитор, потому что сразу увидела, что видит Женя только прямо перед собой, а когда вниз голову опускает, на книгу или тетрадь – ничего не видит. То есть монитор стал ее спасением.

Через год Женя стала набирать одной рукой почти неподвижными кривыми пальцами диктанты с голоса. Потом мы стали выходить в мир через соцсети, чтобы с людьми общаться, это была главная задача. Подобные Жене в домах замурованы. А обычные дети, на улице, от них шарахаются. Вместе с родителями... Родители Жени меня боготворят. А я боготворю их, за их подвиг и эту девочку Женю. Ты, Женя, руки не даешь опустить. Потому что у меня они часто опускаются, а у тебя почти никогда.

Болезнь такая у тебя, церебральный паралич. При которой руки если и поднимутся, то уже опускаются с большим трудом.

Упала я час назад на раздолбанном асфальте, нога в глубокую трещину попала, споткнулась. Под ноги никогда не смотрю, а тут еще солнце, птицы, мысли. Летела несколько метров, боль адская в ноге, так ударилась. Не могу от боли подняться. Сумка с документами и деньгами где-то валяется, не вижу, так больно... Народ бежит ко мне. Подняли с трудом, потому что

болевым шоком. Две женщины, цыганки, под руки взяли с двух сторон, давайте, говорят, мы вас до дому доведем, вы же не дойдете. Сумка ваша у нас. И показывают, не волнуйтесь, мол.

Тут одна пенсионерка шепчет на ухо: сумку заберите, не нравятся мне они... Заберите, заберите! А я не могу забрать, хотя тревога поселилась, врать не буду. А забрать не могу, не могу обидеть недоверием.

Ведут они меня, долго ведут, нога разрывается от боли, но и мысль о сумке не покидает, вяло, правда, но волнуюсь... Там зарплата и много чего. Но не забираю. Довели до квартиры, спасибо большое сказала. Сумку отдали, я ее тут же открыла. Все на месте. Абсолютно все.

Стереотипы проклятые...

Иду по осеннему Тарту. Иду и думаю, как сейчас помню...

Мне уже 20 лет. Запомни, вот ты идешь здесь, под горку, с университета и тебе уже двадцать.

Иду по летней Алма-Ате. Иду и думаю: запоминай. Сейчас тебе всего 36. Запоминай... Вот идешь и тебе тридцать шесть.

Иду сегодня по прохладному Петербургу и думаю: вот я иду. Мне всего 56. Запоминай. Идешь по Петроградке и тебе пятьдесят шесть. Запомни этот момент. Запомнила?

Все те разы, как сейчас помню. И улицы те. И себя – ту. А эту, сегодняшнюю, – получится ли вспомнить? Удастся ли?

Весь день думала – Уго Чавес хороший или плохой. Он умер сегодня.

Одни пишут – плохой, праздник сегодня у них. Другие, тоже вполне авторитетные, что вовсе не плохой, а замечательный. Ну не такой, как Чингачгук Большой Змей, но тоже ничего...

Я не знаю, кому верить, потому что не разбираюсь в Чавесе... Направо пойдешь – к правым попадешь. Налеву – вообще не хожу, может, и зря. Одно только поняла, что евреев не любит. Так покажите, кто их любит. Вроде как плохой поэтому для меня, потому что я не люблю, когда меня не любят.

Все расставила по местам к концу дня годовалая девочка Настя.

Пришел одноклассник сына с сестренкой к нам в гости, она веселенькая такая, ботиночком своим крутит туда-сюда и смеется. Мой сын пытается, как может, ее веселить, она хохочет... И вдруг сын все темы исчерпал, опыта-то нет, и зачем-то сказал: Настенька, Уго Чавес умер, знаешь?

Вы бы видели, как задрожали ее губки и как горько она заплакала. А я наконец-то во всем разобралась. Ребенок врать не будет.

У нас есть охранник, который вылитый Азнавур. Все мне кажется, что зайдет и запоем «Изабель...». А он не поет. Только спрашивает, все ли в порядке и работает ли тревожная кнопка. Не Изабель я, не Изабель...

Может быть узбек по имени Ираклий? Я думаю, нет. Потому что с узбеками долго жила в детстве, рядом. Может, под грузина косит? Но зачем?

Получаю сообщение от узбека Ираклия, возраст 30 лет. Мол, давай встретимся. Я узбек, зовут Ираклий. Спрашиваю: милый узбек Ираклий... ты меня ни с кем не перепутал? Ты возраст мой видел? Видел, отвечает мужественный камикадзе узбек Ираклий. Ты такая милая... Давай встретимся.

Дорогой Ираклий, узбек, ты чем тут, в Петербурге, занимаешься? – спрашиваю. – В магазине «Яшма Золото» охранником работаю. А ты так мне понравилась...

Дорогой Ираклий, а в магазине нет молодых красивых девушек? – уточняю. – Ой, много так, – отвечает Ираклий, – только им платить надо.

Удалось мне слетать в Израиль три года назад за 140 евро туда и обратно. Бывают такие спецпредложения. Радовалась, конечно.

Лечу назад, в Петербург. Мое место у прохода, рядом пожилая интеллигентная с виду чета. Около меня муж, бывший летчик. У окна его супруга. Очень энергичная, хотя и сидит. Но видно, что активная, даже если бы спала. Супруг, бывший летчик, ко мне склонился, рассказал, что на зиму они улетают из Москвы и снимают квартиру в Израиле. А летом, когда в Израиле жара, в Москву, домой возвращаются. Так и живут. Пенсия, внуков нет.

Хороший вариант, – подумала я и вслух произнесла: молодцы, хорошо придумали.

А бывший летчик погрузнел и говорит: вот дорого только билеты стоят, хотя у меня льготы как у летчика. И все равно, вон сколько приходится за двоих платить... И называет сумму. Жена летчика в это время как бы спит, но глазом левым посматривает. Мол, разговаривался мой что-то. С этой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.